

≈ 34 мин

Как вера в сильную личность, способную изменить мир к лучшему, так и образ порочного злодея, угрожающего всему миру, глубоко коренятся в сознании людей, подогреваемые массовой культурой и СМИ. Всё упирается в давний вопрос, который будоражил умы ещё в далёком XIX в., — о роли личности в истории. Откровенно субъективистский подход западных СМИ, выразившийся в преувеличении роли личности Путина, нашёл ответ в американских левых кругах. Тони Вуд, редактор журнала «New Left Review», в своей недавно вышедшей книге «Россия без Путина» встаёт на защиту научного взгляда на роль личности Владимира Путина в постсоветской истории России. В данной рецензии мы кратко остановимся на основных аргументах, которые использует автор, указывая на их основные достоинства и недостатки, и, в свою очередь, попытаемся ответить на главный вопрос: удалось ли Вуду увидеть и показать Россию без Путина?

---

20 января 2017 года Дональд Трамп вступил в должность Президента США. Официальные российские телеканалы встретили эту новость с ликованием. Сюжеты про кандидата в президенты от республиканцев показывали в каждом новостном выпуске, заставляя зрителей сопереживать простому американскому бизнесмену, против которого боролись американские элиты. Согласно **опросам общественного мнения**, более половины россиян считали, что фигура президента США в какой-то степени влияет на их жизнь, и были уверены, что

после избрания Дональда Трампа президентом США российско-американские отношения улучшатся¹ .

Ажиотаж вокруг Трампа в России по своему масштабу, пожалуй, может сравниться только с возбуждением, которое сейчас царит в американских и европейских СМИ вокруг вмешательства России в выборы в США, шпионских скандалов и многого другого. Только в центре внимания уже фигура Путина, пусть он и не вызывает восторга, а представляется в виде злого тирана, который опутал мир сетями шпионских заговоров и хакерских атак.

ИСТЕРИЯ ВОКРУГ ТРАМПА В РОССИИ И ИСТЕРИЯ ВОКРУГ ПУТИНА В США — ОДНО И ТО ЖЕ ЯВЛЕНИЕ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩЕЕ ТОЛЬКО О КРАЙНЕ НИЗКОМ УРОВНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ, ЗАРАЖЁННОГО БАЦИЛЛАМИ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТИВИЗМА.

Большинство населения обеих стран в очередной раз стало жертвой обмана. Казалось бы, фокус давно известен, секрет раскрыт, но это не мешает публике по обе стороны Тихого океана в очередной раз быть обманутой.

Вера в сильную личность, способную изменить мир к лучшему, и образ порочного злодея, угрожающего всему миру, глубоко коренятся в сознании

людей, подогреваемые массовой культурой (в значительной степени — кинематографом с его культом супергероев) и СМИ. Всё упирается в давний вопрос, который будоражил умы ещё в далеком XIX в., — о роли личности в истории. Георгий Плеханов в [одноимённой статье](#), опубликованной в 1898 г., дал научный ответ на этот вопрос². Однако если ответ однажды был найден, это не значит, что он окончательно утвердился в массовом сознании.

Корни этих предрассудков лежат в особенностях социально-экономической организации капиталистического общества, в рамках которого подавляющее большинство людей отчуждено от управления общественной жизнью и контроля за ней, а буржуазия, исходя из своих классовых интересов, во всех сферах общественной жизни диктует свои «истины». В частности, поощряет примитивный, но полезный для установления её идейного господства продукт философского идеализма — социальный субъективизм. Людям прививается способ мышления, который не способен научно-адекватно воспроизводить реальность и поэтому не позволяет делать истинные выводы. Однако в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, на любое действие найдется своё противодействие.

Откровенно субъективистский подход западных СМИ, выразившийся в преувеличении роли личности Путина, нашёл ответ в американских левых кругах. Тони Вуд, редактор журнала [«New Left Review»](#), в своей недавно вышедшей книге «Россия без Путина», встаёт на защиту научного взгляда на роль личности Владимира Путина в постсоветской истории России³.

«Россия без Путина» — лозунг, который провозгласили оппозиционеры в России

в 2011–12 гг., когда протестовали против переизбрания Путина на очередной президентский срок. Вуд отмечает, что лозунг в названии книги не является призывом к смене режима, а скорее указывает на то, что западные СМИ слишком зациклились на личности Путина.

«На Западе президент России изображается как самый непримиримый враг США и его союзников, злобный кукловод, дёргающий за ниточки в череде кризисов по всему миру. В России его сторонники считают его неотделимым от судьбы самой страны».

В одном согласны все:

«...абсолютная центральная роль Владимира Путина» (С. 2).

Вуд справедливо замечает, что даже для эпохи, когда принято рассматривать явления сквозь призму функционирования отдельных политических деятелей, внимание к Путину зашкаливает. При этом сама система не анализируется, а многие политические и экономические вопросы сводятся к прихоти личности. Естественно, что такой подход скрывает реальные движущие силы в России.

Вуд берёт верное направление исследования. Ещё Плеханов в вышеупомянутой статье указывал на то, что *«...личности благодаря данным особенностям своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительно, но как самая возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением его сил»⁴.*

Как мы знаем, организация общества определяется состоянием

производительных сил и теми экономическими отношениями, которые они порождают. Этот подход неизбежно толкает исследователя к необходимости акцентировать внимание не на личности, а на этих экономических отношениях.

КНИГА ОРИЕНТИРОВАНА, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, НА ЗАПАДНОГО ЧИТАТЕЛЯ И ЯВЛЯЕТСЯ ПОПЫТКОЙ ОПРОВЕРГНУТЬ ГОСПОДСТВУЮЩИЕ НА ЗАПАДЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. НАУЧИТЬСЯ ВИДЕТЬ РОССИЮ БЕЗ ПУТИНА — ТАКОВ ЛЕЙТМОТИВ РАССМАТРИВАЕМОЙ КНИГИ.

В данной рецензии мы кратко остановимся на комплексе основных аргументов, которые использует автор, указывая на их основные достоинства и недостатки, и, в свою очередь, попытаемся ответить на главный вопрос: удалось ли автору увидеть и показать Россию без Путина?

В первой главе под названием «Человек и система» Вуд рассматривает становление капитализма в России сквозь призму основных вех биографии Путина, подмечая ключевые особенности формирующейся системы. Вуд отмечает, что персональные связи — ключ к пониманию того, как устроена современная Россия. Если в СССР «блат» использовался для доступа к ресурсам, то в 90-е гг. стал использоваться для зарабатывания денег. Тогда простые

граждане с помощью блата преодолевали недостатки плановой экономики, теперь личные связи *«служили мощным силам, стирая границы между государственными должностями и частным обогащением и запутывая формальные правила правительства в паутине неформальных связей»* (С. 15). Вуд указывает, что в России в борьбе между законностью и личными связями всегда побеждают последние. По его мнению, вся биография Путина доказывает это.

Вуд опровергает предубеждение о том, что Путин повернул вспять рыночные реформы и демократизацию, проведённые Ельциным в 1990-х гг., и совершил возврат к советским традициям. Автор отмечает, что с точки зрения экономической политики между Ельциным и Путиным нет принципиальной разницы. Путин во многом продолжил и расширил неолиберальный курс, взятый своим предшественником. Вуд указывает, что *«политическая система, которая преобладала в 2000-х гг., не была извращением ельцинизма, а была результатом его созревания»* (С. 21). Исходя из этого, Вуд рассматривает 1990-е и 2000-е гг. как два этапа эволюции одной и той же системы. Первый — поддержанный Западом этап быстрого становления капиталистических отношений с последующей стабилизацией. Основной приоритет второго этапа — сохранение системы капиталистических отношений даже в ущерб демократии, о чём свидетельствуют фальсификации выборов, которые продолжаются по настоящее время. Это не авторитаризм, который свойственен лично Путину, а унаследованная черта системы.

Основная мысль Вуда в том, что Путин является частью сложившейся системы, которая возникла на развалинах СССР, и главная проблема не в представителях

системы, а в самой системе. Здесь Вуд, безусловно, прав. По моему мнению, степень вины Путина и его окружения — это этическая и юридическая проблема будущего. Задача марксиста — понимать, что от смены лиц представителей буржуазии ситуация качественно не изменится.

Для характеристики сложившейся системы Вуд, ссылаясь на Дмитрия Фурмана, утверждает, что в России после развала СССР сложилась *«имитационная демократия» — система, в которой формальная приверженность демократическим нормам и процедурам сосуществовала с полным отсутствием реальных альтернатив нынешнему режиму»* (С. 26). К этому термину автор возвращается на протяжении всей книги, и мы также к нему ещё вернёмся.

Во второй главе, которая называется «Лица власти», Вуд, стремясь проникнуть в суть сложившейся в России системы и понять причины её устойчивости, исследует особенности взаимоотношений между бизнесом и государством, которые возникли в 1990-х гг. Для этого, по его мнению, *«нужно смотреть сквозь людей на вершинах богатства и власти и исследовать систему, которая позволяет им процветать»*, а *«за вопросом, кто управляет и владеет Россией, лежит вопрос, какой тип капитализма сложился после распада СССР?»* (С. 30–31)

Основная идея Вуда состоит в том, чтобы отказаться от точки зрения, будто бизнес и государство противостоят друг другу, и что с 2000 г., после прихода к власти Путина, деловые круги пытаются защитить свою законную территорию деятельности от цепких когтей властного государства. Вуд отмечает, что бизнес и государство тесно переплелись после развала СССР. В главе

представлены многочисленные примеры этого симбиоза.

Вуд с привлечением широкого спектра источников показывает, что олигархи как времён Ельцина, так и Путина, не создали свои состояния самостоятельно: и те и другие были тесно связаны с государством. Оно само способствовало образованию класса собственников, последовательно отдавая части плановой экономики по абсурдно низким ценам. После 2000-х гг. отношения государства и частного бизнеса меняются, но прежней остаётся приверженность частной выгоде.

Вуд указывает, что историю постсоветского капитализма следует понимать как борьбу внутри одной элиты, которая охватывает государство и бизнес одновременно, а не как борьбу свободного рынка и этатизма. В этом Вуд абсолютно прав, однако, на мой взгляд, он недостаточно подчеркнул некоторые особенности постсоветского капитализма. Показав, в частности, что в 2000-е гг. бизнес и государство так тесно переплелись, что многие бизнесмены переходили в сферу государственного управления, в то время как бизнес набирал кадры из рядов министерств, Вуд отмечает, что это двустороннее движение между мирами государства и частного бизнеса характерно не только для России, но и для всего мира. Тем не менее, в России есть существенная особенность, которая отличает её от развитых стран и на которой не акцентировал внимание Вуд. Здесь сложилась такая ситуация, когда высшие чиновники сами являются передовым отрядом монополистической буржуазии. Это, видимо, связано с чрезвычайно стремительным характером развития капиталистических отношений внутри более прогрессивной, несмотря на все недостатки, социально-экономической системы. Богатые ресурсы СССР

позволили за какие-то 30 лет повторить путь развития капиталистических стран от «первоначального накопления» до государственно-монополистического капитализма. Вуд документирует этот процесс: он отмечает, что с 2003 по 2007 г. уровень государственной собственности вырос с 20 % до 35 %. К 2006 г., согласно Financial Times, *«11 членов [путинской администрации] возглавляли 6 государственных компаний и ещё 12 имели должность государственных директоратов; 15 старших правительственных чиновников занимали 6 председательских должностей и 24 других места в совете директоров»* (С. 44). Этот симбиоз государства и бизнеса не ускользнул и от пристального взгляда российских оппозиционных политиков. Среди них можно выделить А. Навального, который возглавляет **Фонд борьбы с коррупцией**. Однако расследования Навального и его Фонда, какими бы достоверными фактами они ни оперировали, не привели к отставкам или уголовному преследованию крупных чиновников. И здесь необходимо вернуться к упомянутому выше термину «имитационная демократия» и поставить вопрос: существует ли где-нибудь «не имитационная демократия»? Если **вслед за Лениным** понимать под буржуазной демократией диктатуру буржуазии, то в наиболее изощёренных формах «имитационная демократия» существует в странах капиталистического ядра, где политики — всего лишь марионетки и их можно менять как перчатки, не нанося серьёзного ущерба системе ⁵. В России же сложилась такая ситуация, при которой крупные чиновники несменяемы на своих должностях, в этом их сила и, одновременно, слабость буржуазии в целом.

**ВОЗМОЖНО, ЧТО ОЧЕНЬ СКОРО И
РОССИЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ ОСВОИТ**

МАНИПУЛЯЦИОННЫЕ И АРТИСТИЧЕСКИЕ НАВЫКИ СВОИХ «СТАРШИХ БРАТЬЕВ» ПО КЛАССУ ИЗ РАЗВИТЫХ СТРАН. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ПОДЛИННОЙ ДЕМОКРАТИИ, ТО ОНА ВОЗМОЖНА ТОЛЬКО ПРИ ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА, ТАКОВА ДИАЛЕКТИКА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ.

В третьей главе, озаглавленной «Красное наследие», Вуд рассматривает распространённое в некоторых кругах убеждение о том, что проблемы постсоветской России могут быть вызваны наследием советского прошлого (это мнение разделяет и либеральная публика в России). Приверженцы подобного взгляда указывают на то, что «преодоление» этого наследия позволит России встать в ряды «нормальных» капиталистических стран.

Согласно Вуду, это наследие может иметь физическую форму (промышленность, социальная инфраструктура) и психологическую форму (авторитарные инстинкты правителей, пережитки советского мышления у населения). Именно на наличие у населения пережитков советского мышления часто указывают либералы в России. Вуд задаётся вопросом, насколько полезен подобный подход для анализа современной ситуации? Он отмечает, что прошлое имеет значение, но не так, как кажется большинству людей. Вуд предлагает перевернуть эту идею с головы на ноги: советское наследие было благом для постсоветского капитализма.

Также в этой главе Вуд исследует социальную структуру советского общества и те изменения, какие она претерпела с развалом СССР. Переход к капитализму привёл в движение процесс резкой социальной дифференциации, породившей новые социальные группы, но не сразу разрушившей прежний социальный порядок, который сохранялся в различных формах. Сохранение элементов советской социальной инфраструктуры позволило обычным россиянам пережить период трансформации 1990-х гг., что дало рыночным элементам возможность закрепиться и избежать массовых волнений. Эти две формы существовали какое-то время параллельно, что помогло сгладить резкий переход к капитализму, а не мешало ему.

Основную мысль этой главы Вуд выразил следующим образом:

«...прошлое дало скрытую субсидию настоящему» (С. 82).

Несмотря на верную постановку проблемы о советском наследии, подход Вуда к исследованию социальной структуры советского, а затем и российского общества, страдает рядом изъянов. Во-первых, отметив, что новое общество не было «чистой доской», а корнями уходит во времена СССР, унаследовав многие особенности прежнего общественного строя, Вуд не указывает коренную причину, лежащую в основе трансформации социальной структуры, которая началась ещё в СССР. Эта трансформация во многом была предопределена тем фактом, что в 1970-х гг. начался процесс встраивания СССР в глобальную капиталистическую систему на правах поставщика сырья и импортёра готовой продукции. Это встраивание стало возможным из-за изменений, которые в это время происходили в мировой капиталистической экономике и резкого роста

цен на нефть⁶ .

Постсоветская Россия полностью унаследовала ориентацию экономики на экспорт сырья. Для экономики, экспортирующей сырьё, собственное производство средств производства и товаров потребления отходит на второй план, потому что и то, и другое можно импортировать. Происходит неизбежная деиндустриализация, вслед за которой на определённом этапе происходит преобразование всей социальной структуры общества. Так, рабочий класс отныне находится в меньшинстве и разнороден по своему составу, а преобладает масса мелкой буржуазии и трудящихся в сфере обращения, распределения и непроизводительных с капиталистической точки зрения работников.

Во-вторых, анализируя изменения в социальной структуре, которые произошли после развала СССР, Вуд выделяет три социальные группы: рабочий класс, женщины и интеллигенция. Здесь идёт эклектичное смешение различных подходов: к классовому примешивается гендерный. Непонятно, по каким критериям Вуд выделяет рабочий класс, при этом женщин рассматривая отдельно, хотя женщины в классовой структуре общества могут относиться к любому классу. Подобный подход мешает адекватно оценить социальную структуру постсоветской России⁷ .

В четвёртой главе «Разделённая оппозиция» Вуд рассматривает историю возникновения оппозиции в постсоветской России, а также причины её относительной слабости.

Вуд отмечает, что до 2011 г. возникали только отдельные разрозненные

протесты, однако в 2010–11 гг. *«различные нити протеста смогли сойтись в редкий момент уязвимости для системы „имитационной демократии“»* (С. 97). Избирательный календарь России совпал с нарастающей волной недовольства, и парламентские и президентские выборы 2011–12 гг. стали первым испытанием для системы после экономического спада 2008 г.

Вуд задаётся вопросом: как Путину удалось преодолеть все вызовы, брошенные его власти? Почему протестное движение 2011–12 гг. не смогло составить серьёзную конкуренцию для неё? Слабость оппозиции Вуд объясняет не только подавляющей силой Кремля, который после 2012 г. перешёл к более агрессивной националистической и репрессивной политике, особенно на фоне обостряющейся конфронтации с Западом, но и характером самой оппозиции — внутренними разногласиями между её двумя крыльями.

ОДНО КРЫЛО — В ОСНОВНОМ СТОЛИЧНАЯ ОППОЗИЦИЯ, В КОТОРОЙ ДОМИНИРОВАЛИ ЛИБЕРАЛЫ; ВТОРОЕ — БОЛЕЕ РАССЕЯННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ, ВОЗНИКШАЯ В ОТВЕТ НА КОНКРЕТНЫЕ СИТУАЦИИ И ЧАСТО ОБЪЕДИНЯЮЩАЯСЯ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ. ЭТИ НАПРАВЛЕНИЯ ПОРОЙ СМЫКАЛИСЬ, КАК ЭТО БЫЛО В 2011–12 ГГ., А ТАКЖЕ ПЕРЕЖИВАЛИ ВЗЛЁТЫ И ПАДЕНИЯ. ОДНАКО ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ РАЗРЫВ МЕЖДУ НИМИ

СОХРАНЯЕТСЯ ДО СИХ ПОР.

Здесь Вуд, продолжая развивать идеи предыдущей главы, выступает против того, чтобы считать поддержку и лояльность населения результатом советского наследия. Он указывает, что к середине 2000-х гг. это наследие начало исчезать, поскольку опыт постсоветского капитализма, а не память о коммунизме, стал главным ориентиром для растущей доли населения. Вуд, по моему мнению, делает очень важный прогноз, он пишет:

«Хотя либеральные критики в России и на Западе настаивают на том, что именно остатки СССР стоят на пути российского прогресса, вполне возможно, что гораздо более сильное сопротивление системе ... возникнет из посткоммунистических поколений и что новые формы коллективного неповиновения будут выкованы не из ностальгии по социализму, а из их общего опыта капитализма» (С. 86-87).

Здесь хотелось бы дополнить Вуда рядом важных, на мой взгляд, соображений. Для подтверждения его прогноза можно обратиться к итогам последних президентских выборов в России. Если взглянуть на возрастной состав проголосовавших за Путина, то окажется, что в основной массе это люди старше 35 лет. Из всех проголосовавших за него 50 % были старше 45 лет⁸. Эти люди политически пассивны и в своём большинстве придерживаются точки зрения, что от них ничего не зависит и они своими действиями не могут ничего изменить. Даже пенсионная реформа не смогла расшевелить их и заставить выразить своё недовольство за пределами своих квартир. Тут всё дело в

степени пролетаризации. У них пока ещё есть работа (пусть и низкооплачиваемая), приватизированные квартира и дача, доставшиеся в наследство от СССР, в то время как молодёжь в большинстве своём нищая, обременённая ипотеками и кредитами⁹. К тому же на молодёжи сильнее отражаются антисоциальные реформы. Соответственно, молодёжь демонстрирует другую модель поведения, чем старшее поколение. В России выросло уже целое поколение молодых людей, которые никогда не жили при советской власти. Их мировоззрение полностью сформировано капиталистическими отношениями. Их родители отравлены буржуазной пропагандой и задавлены условиями быта. А молодёжь сталкивается с реальностью, которую не хочет принять, и бунтует против неё. Первый выход этой протестной активности произошёл 26 марта, поводом для него стало антикоррупционное расследование Фонда по борьбе с коррупцией (ФБК) Алексея Навального. Это один из симптомов того, что в РФ начинает формироваться «нормальное» буржуазное общество, а специфика «молодого» капитализма, который возник на осколках социализма, уходит в прошлое¹⁰.

**КОНЕЧНО, СЕЙЧАС РАНО ГОВОРИТЬ ОБ
АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ ВЫСТУПЛЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ. УРОВЕНЬ ЕЁ
СОЗНАТЕЛЬНОСТИ КРАЙНЕ НИЗОК, ОНА
ОБРЕЧЕНА ПЛЕСТИСЬ В ХВОСТЕ ТАКИХ
ПОЛИТИКОВ, КАК НАВАЛЬНЫЙ, КОТОРЫЕ**

МОРОЧАТ ЕЙ ГОЛОВУ «ПРАВИЛЬНЫМ»
КАПИТАЛИЗМОМ. ПО ИХ МНЕНИЮ,
ДОСТАТОЧНО ПОБОРОТЬ КОРРУПЦИЮ,
ЧТОБЫ ЗАЖИТЬ ПО-ЕВРОПЕЙСКИ. ТЕМ НЕ
МЕНЕЕ, НЕИЗБЕЖНО ПРИДЁТ ВРЕМЯ, КОГДА
ВОПРОС ОБ УНИЧТОЖЕНИИ КАПИТАЛИЗМА
ВНОВЬ БУДЕТ ПОСТАВЛЕН РЕБРОМ.

В этой главе Вуд даёт верную характеристику либеральной оппозиции, подробно анализируя программу «Партии прогресса», а также описывает зарождение рабочего движения, причины его слабости, указывает на начало формирования левого крыла оппозиции. Но его картина осталась неполной. Говоря о тактике и стратегии левых, он ни словом не обмолвился о необходимости партии, которая отражала бы объективные интересы рабочего класса и других слоёв трудового населения. Вуд говорит о тактике левых в отношении либералов, о возможных союзах. Всё это имело бы смысл, если была бы партия, однако сейчас левое движение в России находится на совершенно другой стадии развития и перед ним стоят другие задачи. И это приводит нас к вопросу об этапах становления, которые проходит общественное сознание вслед за быстрым развитием капитализма в России.

Как было отмечено выше, капитализм в России прошёл быстрый путь от «первоначального накопления» до государственно-монополистической стадии. Так и общественное сознание проходит определённые этапы, порой

напоминающие процессы, происходившие в конце XIX — первой половине XX в. и прерванные революцией. Несмотря на наличие полностью дискредитировавший себя Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) и ряда других «карликовых» партий, у которых в названии есть слово «коммунизм», в России независимо от них начали формироваться марксистские кружки, а также ряд центров, которые претендуют на то, чтобы в будущем перерасти в партию¹¹. Таким образом, можно сказать, что левое движение в России в настоящий момент находится на кружковом этапе своего развития.

В. И. Ленин отмечал, что при богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма, в различные исторические периоды выдвигается на первый план то одна, то другая его сторона. Сейчас на первый план выходит теоретическая сторона. *«Время общественной и политической реакции, — писал Ленин, — время „перевариванья“ богатых уроков революции является не случайно тем временем, когда основные теоретические, и в том числе философские, вопросы для всякого живого направления выдвигаются на одно из первых мест»*¹². Без революционной теории не может быть и революционной практики.

В пятой и шестой главах, которые называются «После Майдана» и «Россия в мире», Вуд рассматривает внешнюю политику России, выступая против предубеждения о том, что Россия при Путине — это государство-агрессор, настроенное на возвращение к конфронтации с Западом в стиле Холодной войны, а также ставит вопрос о её месте в современном мире. Обострение напряжённости внутри России совпало с обострением отношений с Западом. Часто это принято связывать с мышлением, характерным для эпохи Холодной

войны и свойственным Путину и российской элите. Однако, как показывает Вуд, бóльшую часть постсоветской истории российская элита стремилась интегрироваться с Западом. Со временем она начала отказываться от этой идеи в пользу защиты российских интересов. Этот отказ не был связан с остатками советского способа мышления, он продиктован дисбалансом сил, который сложился после развала СССР, слабостью постсоветской России и силой США, которая нашла своё выражение в расширении НАТО на Восток. Как указывает Вуд, только с украинским кризисом и аннексией Крыма в 2013–14 гг. Россия окончательно отказалась от идеи союза с Западом. По мнению Вуда, эти события представляют собой крупный геополитический водораздел, предваряющий эпоху глобальной неопределённости, в которой отношения между мировыми державами будут нестабильными. Также этот водораздел поставил перед Россией вопрос о её месте в мире.

В этих главах Вуд, исследуя внешнюю политику России и ключевые события в отношении с Западом, слишком много внимания уделяет фактологии и мало — тем процессам, которые стоят за этими фактами. Вуд перечисляет события, но за этими событиями мы не видим побудившие их экономические причины, а ведь задача марксистского анализа — вскрыть сущность этих явлений. Только вскользь он отмечает, что причина ухудшения взаимоотношений с Западом в том, что Россия не смогла получить лучший доступ к рынкам ЕС (С. 129–130). Да и окончательный отказ России от союза с Западом, о котором говорит Вуд, будет выглядеть не таким категоричным, если взглянуть на данные по экспорту и импорту, а также на размер и направление оттока капитала¹³.

Сравнивая экономические показатели России и других стран, включая страны

Первого мира, Вуд использует данные по ВВП, хотя, как показал в своей статье «Иллюзия ВВП» Джон Смит, этот показатель не даёт адекватного представления о реальности¹⁴. «Иллюзия ВВП» — это ошибка, вызванная изъянами в сборе и истолковании стандартных экономических данных. Её главный признак — систематическая недооценка вклада низкооплачиваемых рабочих глобального Юга в общемировое богатство и соответствующая переоценка внутреннего валового продукта США и других империалистических стран. Исходя из этого, данные по ВВП развитых стран намного завышены.

Вуд больше рассматривает историю сквозь призму геополитического подхода, который отодвигает на задний план классовый анализ. Капиталистические страны действуют исходя не из экономических интересов, обусловленных мировым разделением труда и их местом в этом разделении, а из каких-то предубеждений или обид руководства страны и конкретно Путина. К примеру, российско-грузинский конфликт 2008 г. Вуд рассматривает как *«своего рода возмездие в плоскости международного права за действия Запада в отношении России»* (С. 131). Её вторжение в Сирию Вуд объясняет не экономическими интересами, а попыткой восстановить своё значение на мировой арене, взять реванш за поражение в Украине¹⁵.

Далее многие важные внешнеполитические действия России Вуд объясняет личными желаниями или «мечтами» Путина. К примеру, Вуд говорит о «мечте Путина» о международном антитеррористическом Союзе, которую он выдвинул на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2015 г. (С. 141) Этот Союз должен был стать свидетельством «значимости» России на международной арене. Здесь у самого Вуда проскальзывает субъективистский подход. Вместо того, чтобы за

действиями Путина искать интересы определённого класса, которые тот выражает, он выводит на первый план личность президента.

Исследуя место, которое Россия занимает в современном мире, необходимо, прежде всего, понять её роль в мировом разделении труда и уже исходя из этого оценивать те или иные внешнеполитические действия. Эта роль во многом predetermined советским наследием, а именно тем встраиванием экономики позднего СССР в мировую капиталистическую систему на правах экспортёра сырья, которое произошло в 1970-х гг. и о котором я писал выше. Это встраивание повлекло за собой изменение всего «внутреннего устройства» бывших социалистических стран, вернувшихся в зону периферийного капитализма¹⁶. Постсоветскую Россию в силу ряда причин можно считать страной полупериферийного капитализма с зависимой и ориентированной на экспорт капиталистической экономикой. Тем не менее, следует отметить, что Россия идёт по пути государственно-монополистического капитализма, исторической предпосылкой которого была унаследованная от СССР промышленная инфраструктура, создававшаяся для плановой экономики и впоследствии использованная для создания крупных частно-государственных монополий. Это позволило возложить издержки на налогоплательщиков, что способствовало извлечению больших прибылей. Эти монополии представляют Россию в качестве второстепенной империалистической державы в глобальном масштабе. Мировая конкуренция толкает российские госмонополии к борьбе за рынки, ресурсы и сферы влияния, именно их интересы и представляет постсоветское государство во главе с Путиным.

В заключение следует сказать, что книга Тони Вуда представляет интерес не

только для западного читателя, но и для читателей в России, так как развенчивает ряд мифов, широко распространённых в России. Тем не менее, она не избавлена от изъянов, которые отмечены выше. Резюмируя, можно сказать, что главный недостаток книги в том, что в ней нет последовательного экономического анализа места, занимаемого постсоветской Россией в мировом разделении труда, и анализа её классовой структуры, которая во многом определяется этим местом. Простой констатации факта, что российская экономика носит сырьевой характер, и сравнительных сведений, опирающихся на ВВП, совершенно недостаточно для того, чтобы говорить о месте России в современном мире. Эта тема ещё ждёт своего исследователя.

**В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, НЕДООЦЕНКА
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
ПОДТАЛКИВАЛА АВТОРА В СТОРОНУ
СУБЪЕКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА К ВОПРОСУ
О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ.
ПРОВОЗГЛАСИВ ЦЕЛЬ ВЗГЛЯНУТЬ НА
РОССИЮ БЕЗ ПУТИНА, АВТОР ТАК ДО КОНЦА
И НЕ СМОГ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ПУТИНСКОЙ
ТЕНИ, НАВИСШЕЙ НАД НИМ.**

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. [Россия надеется на Трампа // Левада-Центр. 2016.](#) ↩
2. См.: Плеханов Г. В. [К вопросу о роли личности в истории.](#) ↩
3. Wood, Tony. *Russia without Putin. Money, Power and the Myths of the New Cold War.* Verso, 2018. 210 pages. ↩
4. Плеханов Г. В. Указ. соч. С. 23. ↩
5. См.: Ленин В. [О «демократии» и диктатуре.](#) ↩
6. Подробнее об этих изменениях в мировой капиталистической экономике см.: Кагарлицкий Б. Ю. *Периферийная империя: циклы русской истории.* М., 2009. 576 с. ↩
7. Существует значительное количество работ, в которых предпринята попытка анализа социальной структуры постсоветской России, но большинство из них основаны на неверной методологии. См.: Козырев М. С. [Классовый подход к анализу социальной структуры современной России // Вестник костромского государственного университета.](#) 2010. Методология исследования классовой структуры капиталистического общества должна быть основана на определении того, какой труд при капитализме можно считать производительным, а какой нет. Производительный труд, вслед за Марксом, здесь понимается как труд, который *«производит для того, кто его применяет, прибавочную стоимость, или, иначе, это — труд, превращающий объективные условия труда в капитал, а их владельца — в капиталиста; это, стало быть,*

- труд, создающий свой собственный продукт в качестве капитала». Маркс К. [Теории прибавочной стоимости \(IV том «Капитала»\)](#) / Сочинения. М., 1962. Т. 26. Ч. 1. С. 404. Производительность при капитализме исследуется в статье Г. Тросмана и Е. Радайкина. См.: Тросман Г., Радайкин Е. [Политэкономия «ночной бабочки», или производительность с точки зрения капитализма](#) // LC. 2018. ↵
8. [Выборы президента РФ — 2018. Данные опроса на выходе \(Экзитпола\) ВЦИОМ.](#) М., 2018. ↵
9. Радайкин Е. [Некоторые аспекты жилищного вопроса в современной России и Великобритании](#) // *Lenin Crew*. 2017. ↵
10. См.: Радайкин Е. [Пробуждение молодёжи](#) // *Архив Lenin Crew*. 2017. ↵
11. Чтобы составить представление о количестве и месте расположения марксистских кружков в России, см.: [Марксистские кружки.](#) ↵
12. Ленин В. И. Наши упразднители // Полное собрание сочинений. Изд. 5. М., 1973. Т. 20. С. 128. ↵
13. В 2016 г. 52 % всего экспорта России шло в страны ЕС, в свою очередь, 53 % всего импорта в Россию поступило из ЕС. Несмотря на то, что за последнее время товарооборот со странами ЕС снижается, он всё ещё играет огромную роль для экономики России. См.: [The Observatory of Economic Complexity. Where does Russia export to? \(2016\)](#); [The Observatory of Economic Complexity. Where does Russia import from? \(2016\)](#). Подробные данные по оттоку капитала из России и величине оффшорного богатства см.: Пикетти Т., Новокмет Ф., Цукман Г. [От Советов к олигархам: неравенство и собственность в России 1905-2016](#) // LC. 2017. ↵
14. Смит Д. [Иллюзия ВВП: добавленная стоимость против присвоенной](#) // LC. 2017. ↵
15. Если взглянуть глубже, за действиями России в Сирии стоит прежде всего экономический интерес. В качестве примера можно привести недавнюю

историю с российскими наемниками из «ЧВК Вагнера», которые на территории Сирии занимались захватом нефтяных и газовых месторождений. См.: Сошников А., Аксёнов П. [Как и почему могли погибнуть российские наёмники в Сирии?](#) // *BBC*. 2018. Большинство империалистических стран, включая и Россию, активно используют частные военные компании (ЧВК). Даже Китай, который в левых кругах до сих пор неправомерно считается социалистическим, начал использовать ЧВК для реализации своих империалистических замыслов. См.: [Красные и опасные](#) // *Lenta.ru*. 2018. ↵

16. Кагарлицкий Б. Ю. Указ. соч. С. 482. ↵